

Не станет ни Европы, ни Америки,
Ни Царскосельских парков,
ни Москвы —
Припадок атомической истерики
Все распылит в сияньи синевы.
Потом над морем

ласково протянется
Прозрачный, всепрощающий дымок...
И Тот, кто мог помочь и не помог,
В предвечном одиночестве останется.

Георгий ИВАНОВ.

Валентину Распутину — шестьдесят лет... Ко времени подоспел этот юбилей. Может быть, он станет мистическим знаком поворота России?

В нынешнем распылении России вся официальная имперская элита оказалась в пособниках дьявола, оказалась в должности распылителей. Россию распыляли генеральные секретари ЦК КПСС и руководители грозной Госбезопасности, министры обороны и гении обороны. Все те, кто давно порвал со Святой Русью, кто презирал Православие и древнее славянство, кто продолжал традиции Петра Великого и европеизации России, кто был сторонником европейского Просвещения и Санкт-Петербургской имперскости, оказались разрушителями Великой Державы. Все западники — из ЦК КПСС и из НТС, из Союза писателей СССР и из диссидентствующей «другой литературы» — вместе дружно ликвидировали «Третий Рим».

Парадоксально, но защитниками имперского государства стали вечно подпольные защитники Святой Руси. Что им до Николая Второго и Брежнева? Какое им дело до мирового пространства и великодержавной геополитики? Им не нужна была ни Прибалтика, ни Афганистан, они презирали петербургскую знать и московскую цекашно-гэбэшную челядь.

Но именно они из своих вологодских коровников и иркутских леспрохозов оказались нынче последними государственниками России. Сакральными государственниками. Оказалось, что «недаром мерещится Мекка Олоонецкой серой избе» (Николай Клюев). Оказалось, что истинная, подпольная Русь, столетиями живущая параллельно в своем граде Китеже, в экстремальные моменты каждый раз становится на пути западного Молоха, и по-матерински мягко, но решительно выдвигает свою национальную альтернативу Пришествию разрушителей...

Эта подлинная, подземная Русь незримо и решительно перестроила петровскую космополитическую схему на свой национальный лад. Она также незримо обволакивала всю ленинскую гвардию интернационалистов своим керженским духом и из индустриальных кирпичей сталинских пятилеток выстраивала свое Беловодье. Избяной Рай вполне резонно давал направление главного удара в секретных планах ядерного противостояния. Парадоксально: во главе всегда и везде в России были представители официально-космополитической ветви власти, но сакральная незримая печать подземной Руси определяет, пожалуй, все главные события XX века.

Валентин Распутин оказывается настоящим пророком этой подземной Руси. Его пессимизм, его тоска по утраченному оказывается гораздо более мощным импульсом к возврату утраченного, чем все призывы Жириновского к омовению сапог в Индийском океане. Тоска по Беловодью — самый верный путь к обретению Беловодья. Распутинская погорельщина находит отклик в каждом русском сердце, даже давно лишенном национального самосознания.

Он — мягче воска, он — тише монаха-молчаливника, он — скромнее и неприемнее застенчивого провинциального гостя, но распутинская поступь уже десятилетия определяет нашу русскую культуру. Нам всем нужен Распутин с его непосредственностью настоящего пророка.

Пишет он или не пишет — это уже сегодня неважно. Христианство у Распутина такое древнее, что все пронизано языческими мотивами. Как в кельтской цивилизации, духовно опирающейся на пять священных деревьев, так и в сакральной матерой Руси он опирается на свой «царский листень», на дерево-символ, которое не одолеть никаким бензопилом, никаким бичом и советским опричникам.

Я помню, как Андрей Борисов — прекрасный якутский режиссер — устраивал пожар во МХАТе, поджигая этот распутинский листень. Все погорело, листень остался.

РАСПУТИНСКАЯ ПОСТУПЬ

К 60-летию Валентина РАСПУТИНА

Это к спору о символах подлинной империи. «Буран», как советское чудело для детей, стоит в Парке культуры в Москве. Байконур продан американцам, советские ракетчики-изобретатели уже строят новые поколения ракет на американских полигонах, все имперские пропагандисты от Евтушенко до Айтматова сменили империю и облепили статую Свободы. В решительную минуту к пулту управления обороны России готовы подойти лишь сакральные бородачи из казачьего войска атамана Филина или эзотерические Богодулы, выползшие из северных лагерей.

Валентину Распутину — шестьдесят лет. Счастлив он или нет в своей жизни? Он всю жизнь боролся за свой листень, за свой очаг, за печное счастье, а его — наперекор ему — втащивали во все имперские затеи, к пятидесятилетию присваивали звание Героя Социалистического Труда, из байкальской тиши вытягивали на пышный банкет в имперском зале. Он был пророком китежской Руси, его старухи белят Печь даже накануне общего пожара, ибо — это не просто печь, а крестьянский Храм, эзотерическое божество из глубин Руси, а официальная суперконформистская власть втягивала его в позолоту премий, званий и наград. Пользуясь его деликатностью, его почти насильно втягивали в десятки редколлегий, в десятки советов и президиумов. Ему бы остаться в редколлегии «Нашего современника» — своего коренного журнала, а ото всех других резко отказываясь, но шлейф тянется и тянется. Вот только что в совершенно новом журнале «Мир Севера» он как член редколлегии соседствует с приветственным словом президента Ельцина. Небось, Валентин Григорьевич и не догадывается о таком соседстве. Его втягивает в свои игры как системная власть, так и системная оппозиция, вот уже скоро Строев сольется в объятиях с Черномырдиным и Зюгановым и в их строго очерченный системный круг попадает Валентин Распутин. Его делала системным — советская власть: лауреатом абсолютно всех премий, героем, секретарем и пр.; его делала системным — антисоветская власть: он сидел на совещаниях у Лужкова, был членом президентского совета у Горбачева...

Но, как древний тунгус, он останавливался иногда посреди Москвы и пел свою родовую песню. Он ускользал от системности и шел дальше распутинской звериной поступью... То ли это был медведь, недобитый Черномырдиным, то ли уссурийский тигр, то ли гордый волк, собирающий сородичей... Его обвиняли в антиурбанизме, по сути — в антигосударственности и справа и слева, а его государственность оказывалась древнее и сакральнее слабой атеистической государственности чиновников, разбежавшихся ныне по всем краям света.

Я бывал у Валентина на даче в небольшой избе, где он писал свои очерки о Сибири, сживал в его иркутской квартире, откуда унес в подарок на память юбилейный томик Пушкина, выпущенный в эмиграции в 1937 году, ездил с ним по Карелии, по Якутии. В нем начисто отсутствует официальная системность, он легко соскребает с себя позолоту, но по-крестьянски не стесняется использовать

ее для помощи ближнему, для утверждения своей гражданской позиции.

Кто только ни старался его сломить, укротить, приручить, но за ним стояла и стоит та, все еще могучая Русь.

Официальная Россия — то Николая Второго и офранцузившегося дворянства, то Ленина и картаво говорящих комиссаров, то Горбачева и болтунов-демократов — при всей внешней государственности легко предаст и нацию и государство. Стоящая за Распутиным глубинная Русь, уже сотни лет отлученная от внешней государственности, каждый раз эту государственность и спасала

— во времена смуты вместе с Мининым, в первую Отечественную войну с Платоном Каратаевым и партизанами Дениса Давыдова. Вытягивала она и Советскую Россию, брала Берлин и вновь оказывалась задвинутой в угол. Никакой правитель не хотел видеть национальной русской альтернативы. Матера тонула, тонула и Настена, умирали старухи, и негде их уже хоронить...

Тема смерти — одна из главных у Валентина Распутина. И смерть каждый раз не случайна, целый карнавал смерти, пляска смерти. Но языческий культ деревьев и домашнего очага у Валентина Распутина уже вращается в христианскую мистику.

И это уже иной обряд, это уже — минимальная молитва.

А что дальше? Каждому писателю дано свое видение мира. Распутин чужд иронии, он изначально — серьезен, и потому абсолютно не вписывается в нынешнюю постмодернистскую игровую пародийную ситуацию. Уже двадцать лет назад в «Живом и помни» и в «Прошании с Матерью» он описал свой «конец истории». Никто за эти десятилетия ничего к его версии не добавил. Он предложил и свой выход — национальную альтернативу.

Распутин все-таки не случайно носит свою фамилию. Сквозь его европейское имя, сквозь всепрощение и жалость, сквозь совестливость и любовь к людям в лучших, наиболее глубинных своих книгах он прорывается к праславянской истине, к звериному освоению русского пространства. Увы, имперский чиновник, тот же Кучма или Назарбаев, легко становится чужеземным правителем, будто и не служил советской супердержаве. Имперский генерал легко нарушает присягу, легко меняет присягу и готов уже в составе русско-назовских бригад контролировать пункты ядерного управления...

В отличие от имперских чиновников и генералов, меняющих присяги как перчатки медведь, отметивший свою территорию, свой ареал, будет по-звериному биться до конца, до лютой смерти за свое пространство...

Как знать, может, и распутинщина начала века была последней отчаянной попыткой второй — подпольной, параллельной — Руси остановить развал царской империи? Об этом убежденно пишет историк Олег Платонов. А нам остается лишь интуитивно прочувствовать неукротимое отчаяние той распутинщины или внимать столь же прочувственным стихам такого же интуитивного мистического державника Николая Гумилева:

В чащах, в болотах огромных,
У оловянной реки,
В срубах мохнатых и темных
Странные есть мужики.
Выйдет такой в бездорожье,
Где разбежался ковыль,
Слушает крики Стрибожьи,
Чужа старинную боль...

Сегодня, продираясь сквозь развалины ельцинского режима, вслушиваясь в подземный гул дедовских и прадедовских могил, стержневых во всем творчестве Валентина Распутина, видишь, что только в них возможное спасение России.

Не знаю, догадывается ли сам Валентин Распутин о проступающем в его прозе сквозь отточенные классические формы литературного русского слова, сквозь мировые сюжеты и цивилизованные размышления, подлинном лике той стародавней ведьмаческой Руси, которая и удерживала всегда официальную Россию от распада. Чего бы стоили все усилия ленинских большевиков, если бы сибирские темные мужички не поддерживали их в своем стремлении сбросить петербургскую аномалию, европеизированную ржавчину на теле Святой Руси?

Валентин Распутин природен, как первородный русский Иван. Недаром хитрые еврейские мальчики прозвали его прозу «ивангардизмом». Думали, что оскорбят. Мол, Иван — дярвня, на самом же деле — возвеличили и предугадали.

Иван — это сын русского Космоса, сын — Матери-сырой земли.

Прочел недавно блестящие размышления Георгия Гачева на эту тему. Прекрасный славянский мистик пишет: «Иван прямо прорастает из русской земли — цветком, как иван-да-марья, как иван-чай... Народ — сын ПРИРОДЫ... И поразительна статистика: при том, что фамилия «Иванов» самая частая по всей России, наверху она так редко звучит. Так что поистине НАРОД БЕЗМОЛВСТВУЕТ — уже четыре века русской истории... Конечно, в «роковые минуты» истории именно Иван выручает Россию, власть... Однако наверху, где надо жить культурно, Иваном быть стыдно».

Гачев построил свое исследование на медитации имени. Но и имя Распутин входит в круг этой медитации, оно тоже — сакрально, тоже несет свой русский космизм.

Многогласность Валентина Распутина — это сакральное молчание второй Руси. Или это молчание перейдет в кладбищенскую мистическую тишину, которая еще сотни лет будет пугать тех, кто вздумает управлять на пространствах затаенной Руси, или оно, пропитанное кровью Чечни и Приднестровья, Дома Советов и таджикских погранзастав, взорвется пулеметной яростью, безжалостным огнем напалма, цветными радугами бомбовых разрывов. И тогда, как в семнадцатом году, не от троцкистских листовок, а от мужичьего взорванного долготерпенья полетят в Бангкоки и бананово-лиловые Сингапуры все новые псевдоимперские аномалии.

Вот как перевернуто — национальной альтернативой — прозвучали большевистские призывы в душах людей глубинной Руси... Потом их вновь загнали в подполье, а то и прямо на кладбища. Они так и не нашли выхода на поверхность. И вся распутинская проза оказалась голосом из глубин. Вот почему нас так тянет к ней. Вот почему смешна и неопасна позолота наград и званий. Чем в год шестидесятилетия наградить Валентина Распутина?

Что может быть выше, страшнее и величавее, что может быть прекраснее и ужаснее, если в этот год всплывет Матера, поднимутся обреченные на смерть, очнут забубенные пропитые головушки и крикнут грозное распутинское «Не смей!». А куда еще деваться нашей зашевелившейся Святой Руси?

«Им надо нашу линию выправлять...»

Распутинской природной поступью будет остановлен затянувшийся припадок атомической истерики, Русь вновь выйдет на поверхность спасать Россию. Вот за это затаенное глубинное предчувствие, за смелость и мужество в непрекращающейся попытке донести все многоголосие природной Руси спасибо тебе, Валентин! Дай Бог и дальше нам вместе творить общее русское дело!

Валентин, ты слышишь — по нашим дорогам радостный гул их шагов?!

Владимир БОНДАРЕНКО.

Фото Н.КОЧНЕВА.

Распутин Валентин Григорьевич
19.03.97